

Н. А. ТРОИЦКИЙ

ВИКТОР ГЮГО И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ
1870—1880-х годов

Передовая Россия всегда высоко ценила гуманизм и демократизм творчества Виктора Гюго, вольнолюбивый пафос его идей, действий, произведений. Художник и трибун с «голосом, раскатывающимся по вселенной»¹, он привлекал к себе интерес и симпатии всех поколений русских революционеров — от декабриста А. А. Бестужева («Перед Гюго я ниц... Это уже не дар, а гений во весь рост»²) до В. И. Ленина, который (в 1915 г.) «остался доволен» книгой стихов Гюго «Возмездия»³. Наиболее плодотворными для изучения вопроса «Гюго и революционная Россия» были 70—80-е годы XIX в.

Последние 15 лет жизни Гюго совпали со временем небывалого ранее демократического подъема в России («хождение в народ», деятельность партии «Народная воля», революционная ситуация 1879—1881 гг.) и начавшегося восхождения русской революционной демократии от народничества к марксизму. За это время неизмеримо вырос и количественно, и качественно (от А. Н. Радищева до К. Маркса) фонд литературы, которую русские революционеры использовали как оружие борьбы с царизмом. Сочинения Гюго входили в этот фонд постоянно.

Выдающиеся представители той «блестящей плеяды революционеров 70-х годов», которую В. И. Ленин ставил в один ряд с «предшественниками русской социал-демократии» Герценом, Белинским, Чернышевским⁴, засвидетельствовали воздействие Гюго на формирование их убеждений. Так, Н. А. Морозов в числе произведений, вызывавших у него «глубокое негодование против всякого угнетения и настоящую потребность пожертвовать собою для блага и свободы человечества», наряду с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?» называл «„Девяносто третий год” и другие романы Виктора Гюго»⁵. Не меньшее впечатление производила на революционную молодежь России повесть Гюго «Последний день приговоренного к смерти». «Было время, — вспоминала Вера Фигнер, — когда мы зачитывались этим произведением. Не было революционера, который не знал бы его. Это было в те годы, которые Желябов на суде определил как „розовый” период нашего революционного движения»⁶, т. е. в годы массового «хождения в народ» (примерно 1873—1877)⁷. Участники народнических кружков зачитывались тогда и стихами Гюго⁸, а его «Отверженных» читали в подлиннике (когда это разрешалось) даже на Карийской каторге в Забайкалье⁹.

Понимая, что сочинения Гюго могут иметь революционизирующее воздействие, народники 70-х годов распространяли их в интеллигентских кружках самообразования, а главное — среди народа, рабочих и крестьян. Например, Большое общество пропаганды (так называемых «чайковцев») включало в арсенал своего антиправительственного «книжного дела» «Последний день приговоренного к смерти»¹⁰. Деятели «хождения в народ» относили к числу произведений, «наиболее широко использовавшихся в пропаганде среди народа»¹¹, рассказ Гюго «Клод Гё», легально изданный в Петербурге по недосмотру цензуры в 1867 г. Специалисты